

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ,
КОТОРАЯ ОКАЗАЛАСЬ СИЛЬНЕЕ ЧУДОВИЩНОЙ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВРАЖДЫ

Дорогой маме,
Иосифу Виссарионовичу
Стишину
Заявление

Первому секретарю ЦК КПСС
Н. С. Хрущеву

Уважаемый Никита Сергеевич!
Пишет вам боец-фронтовик,
рядовой солдат Первого Украинского
фронта В. Левчук.

ЭХО

ВИТАЛИЙ
ЕГОРОВ

НЕЕНАВИСТИ

Детектив-реконструкция. Написан офицером полиции

Виталий Егоров

Эхо ненависти

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Егоров В. М.

Эхо ненависти / В. М. Егоров — «Эксмо», 2022 — (Детектив-реконструкция. Написан офицером полиции)

ISBN 978-5-04-171440-6

Начало восьмидесятых. В своей квартире убита гражданка Плахова. На место происшествия выезжает инспектор уголовного розыска Сергей Соколов. По горячим следам ему удастся быстро раскрыть преступление. Но сыщик еще не знает, что, несмотря на кажущуюся заурядность, это убийство уходит глубокими корнями к далеким военным временам и что это дело радикально изменит его собственную судьбу... «Произведение родилось в результате долгих и мучительных раздумий на фоне все ухудшающихся отношений между братскими народами, по сути оно явилось откликом моей души и сердца на происходящие события, свидетелями которого мы все являемся». –
Виталий Егоров

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171440-6

© Егоров В. М., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Часть первая. Убийство ради убийства	6
1	6
2	17
Часть вторая. Служебная командировка	22
1	22
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виталий Михайлович Егоров

Эхо ненависти

Солдатам Великой Победы посвящаю

© Егоров В.М., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть первая. Убийство ради убийства

1

Дежурство в канун женского праздника восемьдесят третьего года для инспектора уголовного розыска городского Управления милиции Соколова не сулило ничего серьезного и обещало быть одним из тех редких по малонагруженности суточных нарядов, который выпадает оперативникам один раз из десяти случаев. Тем более было удивительно, что наступил предпраздничный день, мужская часть населения с утра была уже навеселе, что, конечно же, не улучшало криминогенную обстановку в городе.

Вот уже за полночь из территориальных отделов милиции поступили сведения о тридцати кражах личного имущества, из них четыре квартирные, три уличных грабежа – запоздавшие домой граждане лишились своих меховых шапок, одно тяжкое телесное повреждение, несколько хулиганств и по мелочи: семейные скандалы, побои, самоуправства и тому подобное.

Милиционеры сработали неплохо – задержаны несколько воров, все грабежи раскрыты патрульно-постовой службой, хулиганы и другие правонарушители ютились по камерам городских отделов. Соколов лично выезжал на тяжкое телесное повреждение, но оно оказалось бытовым, и сыщику не составило большого труда установить и задержать преступника, поместив его в изолятор временного содержания.

Закончив с делами, в три часа ночи Соколов вернулся в кабинет, составил из стульев лежанку и с удовольствием растянулся на ней, быстро провалившись в глубокий сон.

Сергей Соколов, молодой человек двадцати пяти лет, крепкого телосложения, да и роста немалого, работал в милиции чуть более двух лет. После Хабаровской школы милиции молодого сотрудника сразу взяли в городское Управление, где он успешно боролся с убийцами и насильниками, извращенцами и уголовниками разных мастей. Начальство не прогадало, выдвинув новоиспеченного выпускника юридического института на столь ответственную должность, – тот все хватал на лету и вскоре стал одним из лучших оперативников в городе. Сыщик уже успел лично раскрыть несколько убийств, за что из рук самого министра внутренних дел получил почетную грамоту с вручением наручных часов, чем очень гордился на зависть менее удачливым своим коллегам.

Женился он довольно рано, когда ему не было и двадцати лет. Избранница была на год старше его, звали ее Розой. Через год совместного проживания у молодых появился первенец – девочка, которую родители называли Симона. После пяти лет брака между супругами наметился разлад. Соколов постоянно пропадал на работе, выходных дней у него почти не было, и однажды жена поставила перед ним ультиматум: или семья, или работа.

Сыщик понимал, что жена страдает, что она обделена вниманием, но он уже сросся с работой и не представлял себя на другой стезе, поэтому, не дав ей никакого ответа, продолжал жить прежней жизнью. И вот полгода сыщик живет один – жена после очередной ссоры с дочерью переехала жить к своей маме. Соколов, конечно, сильно скучал по дочери, но эти обстоятельства не могли изменить его жизненной позиции, поэтому в редкие выходные он забирал к себе Симону и целый день возился с ней, иногда посещая кино и детские спектакли.

Постепенно сыщик стал понимать, что между ним и Розой никогда не было любви. Он из каких-то авторитетных источников слышал, что любовь – это самопожертвование ради своей половины, а в их случае брак был банальным союзом совершенно неподходящих друг другу людей, имеющих разные ценности в жизни...

Соколов проснулся от того, что кто-то теребил его за плечи:

– Сергей, вставай, у нас мокруха. Убили какую-то бабу, мы уже собираем оперативно-следственную группу.

Это был помощник дежурного старшина Хлебников. Присев на стул, сыщик посмотрел на свои наручные часы – на тот самый подарок министра, с которым он не расставался никогда. Время было без пяти четыре, он стал одеваться, сетуя на свалившуюся напасть:

– Надо же такому случиться, ведь почти поверил, что будет все спокойно до утра, а теперь попаду домой только к обеду, если не позже! Что за убийство?

– Одинокая женщина, жила в малосемейке. Ночью залила соседей с нижнего этажа, те поднялись к ней – дверь не заперта, а хозяйка с перерезанным горлом плавает в ванне с водой, которая наполнилась и перелилась через край, вот соседи и прибежали, – доложил Хлебников.

– Классика жанра, – с сарказмом проговорил сыщик, натягивая на себя теплый свитер. – Из потолка сочится кровь, а этажом выше – труп. История, достойная пера Эдгара По!

– Не совсем так, наверное, – почесал милиционер затылок, не уловив иронии и не имея никакого представления о великом писателе. – Кровь должна быть сильно разбавлена водой.

– Конечно, разбавлена, – усмехнулся опер, выходя из кабинета. – Это я выразился так для образности.

– А-а-а, для образности, – со знанием дела вторил ему милиционер, покидая кабинет вслед за сыщиком.

Собрав всю группу, дежурный по Управлению напутствовал:

– Давайте, с богом! Надеюсь, до утра раскроете.

– Уже утро, – зевнула следователь прокуратуры и, зябко передернув плечами, недовольно поворчала: – Не дали выспаться перед праздником.

Следователь Марина Станиславовна Черных, молодая женщина двадцати восьми лет, уже считалась не новичком в прокуратуре, опыта в следственной работе ей было не занимать. Руководство доверяло ей вести самые сложные дела по убийствам, с которыми она справлялась с достоинством профессионала, за что снискала уважение у оперативного состава уголовного розыска. Многие сыщики-убойники желали работать только под ее руководством, не считая зазорным беспрекословное подчинение умной, да к тому же симпатичной женщине. Со своей стороны, она никого незаслуженно не обижала и всегда стояла горой за работающих оперативников. Все почтительно обращались к ней по имени и отчеству, но некоторые сыщики, с которыми она раскрывала тяжкие преступления, иногда звали следователя только по имени, что несколько не оскорбляло ее, поскольку никто не опускался до грубой фамильярности.

– Кстати, поздравляю вас с праздником! – вспомнил дежурный офицер, обращаясь к ней – единственной женщине в составе следственно-оперативной группы. – С этой работой все вылетело из головы, не забыть бы утром жену поздравить.

Все мужчины, словно очнувшись, повернулись к Черных и стали наперебой поздравлять ее с праздником.

Она смущенно отмахнулась от всех и скомандовала:

– Не до поздравлений, пора выезжать на преступление!

Во время следования к месту происшествия Соколов высказал с ноткой надежды желаемую версию:

– А может быть, там самоубийство. Быстро соберем материал и разойдемся по домам.

– Ага, два удара, восемь дырок! – как всегда невпопад и не в тему сострил эксперт-криминалист Катин, отличающийся своей неординарностью. – Потерпевшая случайно упала на топор, и так восемь раз!

Эти неуместные в данный момент шутки были придуманы не остроумным криминалистом, а взяты из жизни. Если фраза о вилке и восьми дырках была общеизвестна и нередко встречалась в практике милиционеров, то о падении на топор следует немного пояснить. Некоторые потерпевшие, особенно ранее судимые, получив телесное повреждение, отказывались

об этом заявлять в милицию, предпочитая разборки собственными силами. Если же телесные повреждения относятся к тяжким, а ранения проникающими, милиционеры должны возбудить уголовное дело по факту даже без заявления потерпевшего. Иначе все будет расценено как попытка избежать учета преступления с вытекающими отсюда последствиями. Поэтому сыщики шли на всякие ухищрения, чтобы не повесить на себя лишний «глухарь». Однажды сыщик Аркадьев в отказном материале написал следующее: «...потерпевший на стремянке полез ремонтировать карниз, но оступился и упал на пол. Поскольку он был в нетрезвом состоянии, не заметил, как воткнулся спиной в топор, который каким-то образом был направлен лезвием вверх. С топором на спине его и доставили в травмпункт. А ножевое ранение в живот потерпевший получил часом ранее, во время открывания консервов...» Гм, трудно представить, что выпивший человек с ножевым ранением в живот все бросил и полез ремонтировать карниз, да к тому же так «удачно» упал на топор. Но повезло, прокурор не усмотрел в этом какого-то умысла со стороны сыщика и, не вчитываясь в документ, поставил свою подпись.

– Как я понял, у женщины перерезано горло, – заметил судебный медик Старцев. – На самоубийство мало тянет, хотя чем черт не шутит. Ладно, не будем заранее гадать, определимся на месте.

Труп женщины в ночной рубашке плавал в доверху наполненной кровавым месивом ванне. Из крана тонкой струйкой, диаметром со спичечную палочку, текла вода, которая и заполнила ванну, перелившись через край и затопив соседей.

– Да-а-а, если бы не подтекал кран, неизвестно, когда бы ее нашли, – озадаченно протянул судебный медик. – Если женщина одинокая, соседи могли обнаружить ее только по запаху разложившегося тела.

Когда мужчины вынули труп из ванны, сразу бросилась в глаза огромная зияющая рана горла. Казалось, что ее голова держится только на шейных позвонках. Положив тело на пол, следователь и эксперты приступили к осмотру, а Соколов решил поговорить с соседями. Спустившись этажом ниже, он постучался в квартиру, жильцы которой обнаружили труп. Дверь открыл полный мужчина около сорока лет, одетый в белую майку и светлые пижамные штаны. Он ожидающе кивнул оперативнику и осведомился:

– Вы из милиции? По поводу обнаруженной соседки?

– Да, из милиции, – кивнул сыщик. – Прежде чем вы расскажете, как все произошло, я попрошу показать мне места, где вас заливало водой.

– Заливать – слишком громко сказано, – проговорил мужчина, жестом приглашая оперативника в квартиру. – Имеются подтеки на потолке и на стене ванной, но самое неприятное, что они кровавые. Как сейчас избавиться от них? Была бы просто вода, подсушил – и порядок. А тут как быть?

Мужчина открыл дверь ванны, сыщик зашел внутрь и убедился, что часть потолка и стена окрашены в светло-алый цвет.

– Кошмар на улице Вязов, – озадаченно покачал головой сыщик и обратился к хозяину: – Как вас зовут?

– Кирюхин Матвей Сергеевич, – ответил мужчина, с явным сожалением рассматривая испорченный интерьер. – Кто мне все это сейчас восстановит? Соседка-то одинокая, оказывается...

– Матвей Сергеевич, расскажите все по порядку, как вы обнаружили труп вашей соседки. Лучше начните с того, с кем вы тут живете, где работаете, как заметили подтеки в ванной комнате. Одним словом, меня интересуют любые мелочи, которые вам могут показаться незначительными. Итак, я слушаю вас.

Мужчина откашлялся и стал рассказывать:

– Я проживаю в этой квартире с женой и дочерью, которой исполнилось двенадцать лет. Обычно мы все спим в одной комнате, а иногда жена мне стелет постель в кухне. Это проис-

ходит в том случае, когда прихожу домой немного поддатым и ночью сильно храплю. Работаю грузчиком-экспедитором на продбазе. Днем на работе отмечали женский день, я, конечно же, немного перебрал и домой явился в довольно пьяном состоянии. Вручил дочери и жене подарки и, несмотря на то что было еще рановато, свалился спать в кухне на раскладушке. Родные оставались смотреть телевизор в комнате, а я дал храпака отдельно от них. Где-то в полтретьего ночи проснулся от того, что хотелось справить малую нужду, а заодно попить холодной воды. Зайдя в ванную, обомлел: одна стена и часть потолка были окрашены в алый цвет. Было очевидно, что какая-то жидкость капала от соседей сверху. Разбудил жену, и мы вдвоем пошли на второй этаж к соседям. Жена постучала в дверь, никто не отозвался. Тогда я дернул ручку, дверь и открылась. Мы вошли вовнутрь, никого в квартире не было, жена открыла ванную комнату...

Мужчина замолк, в глазах блеснул ужас пережитого. Он отпил из стакана воды и продолжил:

– Супруга резко вскрикнула и отпрянула назад, выбежав из квартиры в коридор. То, что я увидел там, заглянув вслед за ней, ввергло меня в шок – в ванне в кровавой воде плавала женщина. Думая, что с ней что-то случилось и что она еще жива, схватил ее за плечи и поднял из воды. Тут только заметил, что у нее горло сильно перерезано, и о том, что она еще жива, не могло быть и речи. Опустив женщину обратно в воду, мы постучались к соседям и оттуда позвонили в милицию.

– А вы знали соседку? – поинтересовался сыщик.

– Нет, не знали.

– Но вы же сказали, что она одинока. Откуда узнали об этом?

– Это мы узнали у соседки, когда звонили от нее в милицию. Она нам рассказала, что женщина одинокая, что ей сорок один год, она не замужем, работает в каком-то институте то ли лаборантом, то ли медсестрой.

– Как зовут ту соседку?

– Не знаю, она бабушка, с ней разговаривала моя жена.

– Где ваша жена? – спросил его оперативник, обводя взглядом убранство крохотной кухоньки.

– В комнате с дочерью.

– Позовите ее сюда.

– Товарищ милиционер, может быть, не стоит? – растерянно развел руками Кирюхин. –

Ей дурно от увиденного, она приняла лекарства и легла.

– Все же пригласите, – настоял на своем Соколов. – Я задам ей всего несколько вопросов.

Судорожно вздохнув, мужчина направился за своей супругой.

Когда женщина зашла в кухню, оперативник сразу же задал ей вопрос:

– Как к вам обращаться?

– Нина Васильевна.

– Нина Васильевна, кто первый заметил труп?

– Я.

– Вы были уверены, что это труп?

– Не знаю, но там была такая ужасная картина... Да, не сомневалась, что в ванне труп.

– Ранее знали ее?

– Да, мельком слышала, что над нами живет одинокая женщина, но ни разу с ней не общалась. Она жила тихо и не доставляла нам неудобств. Со второго этажа я больше всего общаюсь с Марусей.

– Кто такая Маруся?

– А это та соседка-бабушка, откуда мы позвонили к вам. Она хорошо знает убитую.

– Ночью не слышали какого-то шума сверху? – спросил ее сыщик. – Может быть, кто-то кричал, звал на помощь?

– Мы с дочерью легли в одиннадцать, посмотрев по телевизору «Служебный роман». Я долго не могла уснуть и где-то в полночь слышала, как кто-то ходит у соседки сверху. Я еще подумала, что к ней пришли в гости, поскольку она ходит очень тихо, я никогда не слышала, чтобы она так топала ногами.

– Как вы думаете, шаги были мужские или женские?

– Как вам объяснить, – призадумалась женщина, отрешенно покачивая головой из стороны в сторону. – Мне показалось, что это был мужчина. По крайней мере, шаги были твердые, так обычно ходят мужчины.

– А крики, ругань?

– Нет, такого не было.

– Все, Нина Васильевна, спасибо за информацию, – завершил разговор сыщик. – Я оставлю вам номер своего телефона, если вспомните что-то дополнительно, пожалуйста, позвоните.

– Да, да, конечно, – закивала головой женщина, провожая Соколова до двери.

Прежде чем выйти из квартиры, сыщик, словно опомнившись, развернулся и обратился к женщине:

– Чуть не забыл. Поздравляю вас с праздником!

Хозяйка улыбнулась и махнула ему вслед.

Когда Соколов вернулся на место преступления, осмотр тела потерпевшей был в полном разгаре, судебный медик огорошил его новостью:

– На теле, кроме раны шеи, имеются несколько колото-резаных ранений в области груди. Убийство в чистом виде, так что, товарищи милиционеры, придется поднапрячься.

– Следов борьбы как таковых не обнаружено, но на простыне и подушке наблюдаются брызги крови, – сообщил эксперт-криминалист. – Орудие преступления не найдено.

– Как звали хозяйку? – поинтересовался Соколов.

– Плахова Лидия Васильевна, тысяча девятьсот сорок второго года рождения, уроженка Пензенской области, – ответил криминалист и протянул оперативнику паспорт.

– За что ее убивать-то? – недоуменно пожал плечами сыщик, рассматривая паспорт потерпевшей. – Жила тихо, скромно, никому не мешала. Пойду к соседке Марусе и узнаю всю ее подноготную.

Соколова встретила пожилая женщина, которая представилась Марией Петровной. Она, тягостно вздыхая, посетовала:

– Как же так получилось с бедной Лидой?.. Никому дорогу не переходила, тихая, смиренная...

– Мария Петровна, расскажите про нее, – попросил ее сыщик. – Чем жила, где работала, есть ли у нее родственники, конфликтовала ли с кем-либо.

– Особо рассказывать-то нечего, – пожал плечами женщина. – Кроме меня, она ни с кем здесь близко не общалась. Заселилась она здесь года три назад, а до этого жила в общежитии медиков – ведь она работала сестрой-лаборанткой в туберкулезном отделении.

– Были ли в ее жизни мужчины? – поинтересовался сыщик.

– Даже не знаю, – мотнула соседка головой. – Скорее всего, нет. По крайней мере, она мне никогда не рассказывала о своих ухажерах.

– Не слышали ли шум с ее стороны? Слышимость у вас хорошая?

– Слышимость-то у нас отличная, – усмехнулась женщина. – Когда соседи слева начинают пить и гулеванить – спасу от них нет. Однажды вызывала даже милицию.

– Вчера они пили?

– Да нет же! Муж зимой умер, она остепенилась и притихла. Действительно, сколько можно пить?! У них сын-подросток, надо заняться его воспитанием.

– Хулиганистый мальчик? Сколько ему лет?

– Слава богу, не хулиган! Но от такой жизни любой может начать хулиганить. А мальчику тринадцать лет. Нет, ничего плохого не могу сказать про него – вежливый, всегда при встрече здоровается.

– Мария Петровна, давайте вернемся к Лиде. Слышали ли ночью шум, крики, разговор с ее стороны?

– Ночью кто-то вроде бы ходил по квартире. Мне показалось, что это была не Лида.

– Почему так думаете?

– Шаги тяжелые, мужские.

– Во сколько это было? Постарайтесь ответить как можно более точно.

– В двенадцать – час ночи.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– А кого я могу подозревать? – развела руками женщина. – Жила она тихо, мирно, не пила, мужиков к себе не водила.

– Может быть, познакомилась с кем-то на работе? – поинтересовался сыщик. – У нее на работе ранее судимых туберкулезников должно быть полным-полно.

– Ой, даже не могу представить, чтобы Лида кого-то привела со своей работы. Вы просто не знаете ее – она не такая, чтобы приводить кого-то к себе домой. Вот неделей раньше у нее расшатался стол, а она даже не знала, кого попросить починить, так что пришлось мне подсуетиться и найти мастера.

– И кого же вы нашли?

– Василия Игнатьевича.

– Кто он такой, как его фамилия?

– Левчук его фамилия.

– Где проживает? Откуда его знаете?

– Да его многие здесь знают. Как-никак, фронтовик-орденоносец. А живет он в соседнем доме.

– Сколько ему лет?

– Так же, как и мне – под шестьдесят.

– А каким образом познакомились?

– Он работал с моим мужем в столярном цехе мебельной фабрики. Муж умер два года назад, а он продолжает работать в цехе, я и вспомнила про него. Мужчина видный, крепкий еще, здоровья хоть отбавляй, я ненароком и подумала – пусть заодно и познакомится с Лидой, может быть, понравится она ему. А что? Она довольно симпатичная женщина.

– И он отремонтировал стол?

– Конечно, в тот же вечер и сделал.

– А дальше?

– Что дальше? – недоуменно спросила женщина.

– Сватовство не состоялось? – улыбнулся сыщик.

– Какая из меня сваха, – с улыбкой махнула она рукой. – Лида даже слышать не хотела о замужестве.

– Когда в последний раз встречались с ней?

– Позавчера и было.

– О чем говорили?

– Да ни о чем. Поболтали немного, она спрашивала у меня, не брала ли я ключ от ее квартиры.

– Что за ключ? Объясните.

– Иногда, когда она отлучается из квартиры, запасные ключи оставляет мне – мало ли что, вдруг кран потечет или что-то еще. Полгода назад Лида легла в больницу, я три недели смотрела за ее квартирой.

– Почему она подумала, что вы взяли ключ? Вы можете его взять без спроса?

– Да нет же, я неправильно выразилась, – махнула она рукой. – Она подумала, что забыла забрать у меня ключ обратно.

– Когда в последний раз она давала вам ключ?

– Месяца два назад. Тогда она с бригадой врачей выезжала в район для осмотра населения, три дня ее не было.

– А где обычно она хранила запасной ключ?

– Возле двери на гвоздике.

– Ладно, будем закругляться, – объявил сыщик и предупредил: – Мария Петровна, вы пока никуда не отлучайтесь, к вам зайдет следователь прокуратуры, которой вы изложите все то, что рассказали мне.

– Хорошо, буду ждать, – кивнула она и с намернувшимися на глазах слезами поинтересовалась: – Кто же мог убить Лидочку? Она же была такая безобидная, добрая...

– Выясняем, – уклончиво ответил ей Соколов.

Выходя из квартиры, сыщик стукнул себя ладонью по лбу и, повернувшись к хозяйке, поздравил:

– Мария Петровна, с Международным женским днем!

– Спасибо, сынок, – с грустью промолвила она, прикрывая дверь за оперативником.

Следственная группа уже заканчивала осмотр тела и квартиры, Черных поинтересовалась у только что зашедшего сыщика:

– Сергей, что говорят соседи?

– Ничего конкретного. Где-то в полночь две соседки сбоку и снизу слышали, как кто-то ходил по квартире. Шаги были тяжелые, обе женщины уверены, что это был мужчина. Но самое интересное вот в чем: потерпевшая дня два назад спохватилась, что у нее пропал запасной ключ от квартиры. А неделю назад у нее был столяр, который отремонтировал стол... Кстати, поглядеть бы на этот стол...

С этими словами сыщик зашел в кухню и, осмотрев мебель, озадаченно проговорил:

– Стол и стулья в нормальном состоянии, следов ремонта не вижу.

– А может быть, тот, который в зале, – предположила Черных.

Сыщик перевернул в зале стол вверх ногами и утвердительно кивнул головой:

– Есть. Чувствуется рука мастера – сделано на совесть.

– Значит, все-таки столяр ремонтировал стол? – спросила Черных.

– Да, стол отремонтирован умелой рукой, – подтвердил Соколов.

– Каковы догадки насчет запасного ключа?

– Вот что я предполагаю, – задумчиво произнес оперативник. – Теоретически этот столяр мог похитить запасной ключ... Пойдите, надо найти гвоздик, на котором висел ключ.

Соколов быстро нашел возле двери вбитый в стене гвоздь и объяснил следователю:

– Вот на нем она вешала запасной ключ.

– Кто-нибудь, кроме столяра, мог взять этот ключ? – спросила следователь.

– Этого я не знаю, – пожал плечами сыщик. – К ней мало кто заходит. Но однозначно этого столяра надо проверить.

– Обязательно надо проверить, – согласилась Черных. – Как его зовут?

– Левчук Василий Игнатьевич. Но есть одна маленькая загвоздка – он ветеран войны.

– Ветеран? – удивленно протянула следователь. – Сколько ему лет?

– Да, ветеран Великой Отечественной войны, ему под шестьдесят.

– И ты его подозреваешь? – осторожно спросила Черных. – У меня у самой отец воевал, ветераны на такое не способны.

– Ветеран ветерану рознь, – ответил ей сыщик и твердо добавил: – Я все равно его проверю. На данный момент он пока единственный подозреваемый.

– Я не против, проверяй, но будь с ним поаккуратней, не обижай своим подозрением, – напутствовала сыщика Черных. – А я тем временем допрошу соседок потерпевшей.

Прежде чем покинуть квартиру, Соколов поинтересовался у судебного медика:

– Юрий Альбертович, как примерно убивали гражданку? Мне эта информация нужна для разговора с подозреваемым.

– Поскольку она все время находилась в холодной воде, давность смерти точно сказать затрудняюсь, но случилось это около десяти часов назад, – стал объяснять Старцев. – Скажу честно – убийство странное. Злоумышленник проник в квартиру, подкрался к спящей женщине и несколько раз ударил ее ножом в область груди. По всей видимости, женщина умерла не сразу, а пыталась оказать сопротивление – между мизинцем и безымянным пальцем правой руки обнаружены несколько волос, очевидно, нападавшего. Потом убийца почему-то тащит ее в ванну и включает холодную воду. В ванне же режет ей горло. Перед уходом преступник закрывает кран, но он оказался неисправным, и вода продолжает подтекать тонкой струей. Кстати, у потерпевшей течет везде: кран в ванной и в кухне, унитаз в туалете – чувствуется отсутствие мужской руки.

– Какого цвета волосы, обнаруженные у нее меж пальцами?

– Темные с проседью.

– Покажите.

Изучив под лупой изъятые волосы предполагаемого преступника, оперативник недоуменно поинтересовался:

– А зачем он тащил ее в ванну? Оставил бы умирать на кровати.

– Вот это предстоит узнать тебе, – ответил судебный медик. – Для меня это полнейшая загадка.

– Обнаружены следы пальцев на кране смесителя и на ручке двери, – сообщил криминалист. – Они не принадлежат хозяйке. Также есть следы обуви, все нечетко, видимо, это унты, примерно сорок четвертого – сорок пятого размера.

– Огромный тип, – покачал головой сыщик, отмерив рукой примерный рост потенциального преступника. – Я ношу сорок третий, и рост у меня метр восемьдесят три.

В это время в квартиру заглянул милиционер в звании старшего лейтенанта и представился:

– Участковый инспектор Потапов. Меня направил дежурный по городу.

– Организуйте доставку трупа в морг, – распорядилась Черных, обращаясь к нему, и кивнула Соколову: – Иди проверять этого ветерана, а я займусь допросами. Если буду нужна, сразу же позви.

Время было восемь утра. Соколова встретил пожилой мужчина чуть выше среднего роста и крепкого телосложения, который настороженно поинтересовался:

– Вам кого?

– Вы кто будете? – спросил его сыщик. – Как ваша фамилия?

– Левчук, – хмуро ответил мужчина и спросил: – Вы откуда?

– Из милиции.

Сыщик обратил внимание на встревоженное состояние хозяина квартиры. Когда тот пригласил его пройти в квартиру и повернулся левым боком, оперативник заметил вдоль его щеки и на шее слабые полоски розового цвета.

«Ага, на лице явные царапины! – думал оперативник, внутренне напрягшись. – Ранки не открытые, тот, кто нанес их, не имеет длинных ногтей. Эх, не посмотрел, какие ногти у трупа!»

Подозрение в нем еще более укоренилось, когда он увидел летчицкие унты, которые лежали в прихожей.

«Летные унты! – промелькнуло у него в голове. – Они всегда на два-три размера больше, чем носит хозяин!.. А вот стоят и его полуботинки, они, похоже, сорок третьего размера, аккуратно как мои».

Уняв волнение глубоким вдохом, Соколов спросил:

– Василий Игнатьевич, что вы делали сегодня ночью?

– Откуда вы меня знаете? – бросил мужчина тревожный взгляд на сыщика. – Мы с вами знакомы?

– Заочно. Мне о вас рассказали люди.

– Значит, они говорили вам, что я ветеран войны? Что орденосец?

– Говорили. Говорили еще, что вы работаете столяром на мебельной фабрике. Так что мы о вас кое-что знаем. Итак, Василий Игнатьевич, чем вы занимались сегодня ночью?

– Что за вопросы? – оскорбленным тоном осведомился мужчина. – Чем может заниматься ночью одинокий пожилой мужчина? Конечно же спал!

«Чувствуется, что тертый калач, – с сожалением подумал сыщик. – Его голыми руками не возьмешь, надо вызывать подмогу».

Не выпуская подозреваемого из поля зрения, Соколов достал рацию и вызвал водителя, который поджидал следственно-оперативную группу возле дома потерпевшей:

– Семен, подъезжай к соседнему дому и поднимись в двенадцатую квартиру.

Когда водитель, огромный милиционер простоватого вида с ручищами-кувалдами, зашел в квартиру, сыщик приказал ему, указывая на хозяина:

– Охраняй его до моего прихода. Чтобы все время сидел на стуле, никуда его не отпускай.

– Как это «охранять»?! – возмущенно отреагировал мужчина. – Я что, уже арестованный?! Я ветеран войны, со мной так поступать нельзя! Нет, я буду жаловаться, это вам не сойдет с рук!

Не удостоив его ответом, сыщик повторил приказ милиционеру, добавив колкого юмора:

– Охраняй! Шаг влево, шаг вправо – расстрел без предупреждения!

– Фашисты! – крикнул ему вслед подозреваемый. – Немцы не смогли убить, вы хотите меня доконать! Молокососы, боком вам выйдет такое самоуправство!

Огромный милиционер взял старика за шкурку и, насильно усадив на стул, угрожающе сунул ему «кувалду» под нос:

– Сидеть и не рыпаться, а то ненароком нарвешься на это.

Соколов застал Черных за допросом соседки Маруси. Вызвав следователя в коридор, сыщик стал торопливо объяснять ей:

– По-моему, попали в точку! Старик ведет себя очень подозрительно, на лице царапина, в прихожей летные унты большого размера. Видимо, он не ожидал, что на него так быстро выйдут, думал, что Плахова одинокая и ее обнаружат только через несколько дней. Немного ошеломлен этим, поэтому не мешкая надо произвести у него обыск и допросить. Я бы сам обыскал его, но тут ветеран войны, надо все сделать на законных основаниях, тем более он уже грозит жаловаться, обещая всевозможные неприятности, а меня обозвал фашистом.

– Ты уверен, что убийца он? – недоверчиво осведомилась Черных. – Как бы не нарваться на скандал с этим ветераном.

– Уверен на девяносто девять процентов.

– Я же предупреждала, чтобы ты не обижал старого человека, – укоризненно покачала головой следователь. – Надо было тихо, мирно...

– Иначе бы не получилось, – порывисто выдохнул оперативник и нетерпеливо спросил: – Так идем делать обыск?

– Идем, – покорно вздохнула следователь, направляясь в квартиру Маруси. – Сейчас оденусь и предупрежу гражданку, что допрос прерывается.

Подозреваемый обреченно сидел на стуле, над ним огромной тушей нависал водитель-охранник. Невольно ухмыльнувшись от такой картины, Соколов приказал милиционеру:

– А теперь найди двух понятых, а сам можешь быть свободен.

Когда появились понятые – мужчина и женщина из соседних квартир, сразу приступили к обыску. Соколов поднял с пола унты, нащупал подошву, пригляделся и объявил:

– Товарищи понятые, обратите внимание: унты летчицкие, подошва соответствует примерно сорок пятому размеру...

С этими словами сыщик дал потрогать понятным подошву:

...потрогайте – она влажная. Смотрим дальше. В носочной части обуви на гладкой коже черного цвета видны бурые пятна, похожие на кровь. Такие же пятна мы видим и в меховой части голенища.

Следователь быстро внесла в протокол наблюдения сыщика, тот продолжил:

– Давайте посмотрим сейчас эту куртку...

Соколов снял с вешалки короткую куртку, покрытую кирзой с внутренним мехом из овчины, и обратился к подозреваемому:

– Ваша куртка? Вы сейчас носите ее?

Подозреваемый угрюмо промолчал, сыщика это не смутило, и он продолжил следственные действия:

– Итак, куртка мужская. Рукава влажные, с наружной стороны куртки в районе груди и живота видны бурые пятна, похожие на кровь. Такие же пятна заметны и на левом рукаве ниже локтя. Сейчас посмотрим, что в карманах...

Когда сыщик извлек из правого кармана куртки ключ, Левчук крикнул, обращаясь к понятым и к следователю:

– Ключ подбросил мне милиционер! Требую отметить это в протоколе!

Не обращая внимания на окрики подозреваемого, сыщик повертел перед глазами понятых найденную улику и сообщил:

– В правом кармане куртки, принадлежащей гражданину Левчуку, обнаружен ключ. Левчук отказывается признавать факт обнаружения вещественного доказательства, но вы-то видели, что я достал ключ из кармана куртки.

Понятые в знак согласия молча кивнули, с опаской поглядывая на подозреваемого в убийстве соседа, с которым они доселе спокойно пересекались на дню семь раз.

Далее в раковине кухни сыщик обнаружил самодельный нож с длинным тонким лезвием, ручка которого была изготовлена из темного дерева, возможно, ореха.

Взяв находку с двух сторон кончиками пальцев, сыщик присмотрелся к основанию лезвия и подозвал к себе понятых:

– Посмотрите, в том месте, где лезвие примыкает к рукоятке, видно бурое вещество, похожее на кровь.

– Да я куру обрабатывал! – воскликнул подозреваемый с дрожью в голосе.

– Где курица? Покажите, – спросил сыщик.

– Съел! – со злостью выкрикнул Левчук.

– Кости?

– Выкинул на помойку!

– А ведь пойду же на помойку искать кости, с меня станется, – пригрозил сыщик и с уверенностью добавил: – Никакой курицы не было, экспертиза установит, чья это кровь – животного или человека.

Подозреваемый, опустив голову, насупленно промолчал.

Далее обыск ничего существенного не дал, оставался старинный деревянный чемодан с небольшим навесным замком. Взвесив его в руках, сыщик поинтересовался у хозяина:

– Что внутри?

– Мои личные вещи. Это вас не касается.

– Теперь нас касается все, – резко отрезал сыщик и спросил: – Где ключ от замка?

– Не знаю, потерялся! – со злостью бросил подозреваемый, демонстративно отвернувшись от оперативника.

– В таком случае чемодан мы забираем с собой.

– Творите, что хотите, – процедил Левчук, дав понять, что далее разговор с ним бесперспективен.

Закончив с обыском, Соколов поинтересовался у следователя:

– Марина Станиславовна, каковы наши следующие шаги?

Поблагодарив и отпустив понятых, Черных распорядилась:

– Возьми подозреваемого, свози к судебному медику для осмотра тела и одежды, а затем задержи от моего имени и помести в изолятор. А я тем временем закончу допрос свидетелей, управлюсь со своими делами и вечером приду разговаривать с задержанным.

– Подозреваемый! – нервно крикнул Левчук. – Я вам покажу «подозреваемого», вы ответите за все! Такое отношение к ветерану-фронтовику, пролившему за вас кровь, недопустимо!..

Не дав ему договорить, сыщик застегнул на его запястьях наручники и объявил:

– Вы задержаны по подозрению в совершении убийства гражданки Плаховой.

2

Посадив Левчука в машину к внушительному милиционеру-водителю, который часом ранее охранял подозреваемого, Соколов загрузил туда же изъятые вещи и приказал:

– Посиди с задержанным, а я схожу в квартиру потерпевшей.

Соколов нисколько не сомневался, что изъятый у Левчука ключ принадлежит убитой женщине, но решил окончательно увериться в этом, чтобы вести предметный разговор с преступником. Дверь квартиры была закрыта на замок, сыщик, как и предполагал, смог открыть ее обнаруженным у подозреваемого ключом. Труп, накрытый простыней, еще находился на полу в ванной комнате. Очевидно, участковый инспектор был в поисках грузовой машины для доставки тела в морг, поэтому покинул квартиру. Откинув покрывало, сыщик изучил руки женщины и убедился, что ногти пострижены коротко.

«Вот этими беззащитными руками она пыталась сопротивляться, – тихо проговорил он, накрывая труп женщины простыней. – Эксперт должен идентифицировать царапину на теле подозреваемого».

Судебный медик, раздев подозреваемого догола, осмотрел его тело, одежду, сфотографировал следы царапины, изъял необходимые материалы. Прежде чем расстаться, сыщик поинтересовался у эксперта:

– Сможете идентифицировать царапины на шее? У убитой ногти пострижены коротко.

– Ничего не обещаю, – огорчил его судебный медик. – Если бы у нее были длинные ногти, то да – мог бы и идентифицировать. Сделаем все возможное, если будет нужно, подключим специалистов из Москвы.

Прибыв в Управление милиции, сыщик тщетно пытался поговорить с подозреваемым, но тот, замкнувшись в себе, наотрез отказался общаться с ним.

Определив его в изолятор, Соколов ушел домой, где его ждала пустая квартира и черствая краюха хлеба на столе. Он нашел в холодильнике два яйца, сделал из них глазунью, поел и завалился спать.

На следующий день утром, доложив начальнику уголовного розыска об убийстве гражданки Плаховой, Соколов направился в прокуратуру. Черных была на месте, она пригласила оперативника за стол и рассказала следующее:

– Вчера вечером допросила задержанного – совершенно несносный старик! Полностью сидит в отказе, ни в чем не признается и все время талдычит, что он ветеран-фронтовик, требует с собой вежливого обхождения. Кое-как допросила, в общем, протокол ни о чем. Какие доказательства у нас имеются на этот час? С утра криминалист принес заключение о том, что отпечатки пальцев, обнаруженные на кране смесителя и на ручке двери, принадлежат подозреваемому. Изъятые между пальцев убитой волосы, скорее всего, принадлежат Левчуку, об этом мне сообщил судебный медик, будем ждать заключения экспертизы. У нас еще имеются унты и куртка, с брызгами крови, экспертиза наверняка покажет, что это кровь потерпевшей. Имеется еще нож, который Левчук помыл под краном, но на рукоятке чудом сохранилась засохшая кровь. Вот и все... Ах да, еще имеются следы подошвы, которые по размеру совпадают с изъятыми у подозреваемого унтами. В моей практике не было еще убийства, где преступник оставил так много следов преступления. В принципе, мне признательные показания Левчука уже не нужны – припррем его к стенке одними экспертизами.

– Отлично все складывается! – радостно воскликнул оперативник, хлопнув в ладони. – А то на душе было немного тягостно, что не сможем ему доказать совершенное преступление. А старик действительно вредный, сейчас будет катать жалобы везде и всюду – успевай только отписываться.

– Он вредный, а мы вреднее, – рассмеялась Черных. – Если честно, когда у тебя только зарождалось подозрение в отношении него, я не поверила, что ветеран войны может пойти на такое преступление. А теперь я полностью уверена в его виновности.

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул сыщик. – Если следователь уверен на сто процентов, то дело обязательно дойдет до суда. Марина, тебе не кажется, что убийство какое-то странное? Такое ощущение, как будто бы убийство ради убийства.

– Мне тоже так показалось, – пожала плечами следователь. – Ничего из дома не украдено, потерпевшая не имела врагов... словно какое-то ритуальное убийство – как овцу на заклание.

– А ветеран ли войны этот тип? – задался вопросом сыщик. – Настоящие фронтовики так не кичатся своим героическим прошлым.

– Я везде запрошу, – заверила его следователь. – Узнаем, где и как воевал этот Левчук.

Прежде чем Соколов вышел из кабинета следователя, Черных, подумав о чем-то, заинтересовалась:

– Кстати, Сергей, что там в чемодане у этого Левчука?

– Пока еще не смотрел. Сейчас приеду на работу, вскрою замок и изучу содержание этого загадочного сундука.

Замок на чемодане оказался старинным, но довольно крепким. Сыщик, безуспешно примерив все ключи, валяющиеся в ящиках стола, не стал себя утруждать и поддел проушину замка фомкой¹, когда-то изъятый у квартирных воров.

В чемодане он обнаружил военный билет на имя Левчука. Перелистывая документ, сыщик вслух читал боевой путь фронтовика:

– Воевал в составе Воронежского, а затем Первого Украинского фронтов, участвовал в освобождении Киева, за что был награжден орденом Красной Звезды, участвовал в Берлинской операции, восьмого мая сорок пятого награжден медалью «За отвагу», в декабре сорок пятого медалью «За взятие Берлина». Серьезный товарищ! Интересно, почему он пошел на такое страшное преступление? Что его толкнуло к этому?

Далее оперативник нашел и сам орден, который был бережно завернут во фланелевую ткань. Других наград в чемодане не было, удостоверений о награждении сыщик не обнаружил. Там же находились: механическая заводная электробритва «Спутник», машинка для стрижки волос, радиоприемник «Спидола» и много ненужного барахла.

На дне чемодана валялась затертая картонная папка для бумаг на тесемках. Открыв папку, Соколов достал несколько листов бумаги, бегло изучил их и свистнул от удивления:

– Фьють! Обращение к вождям!

Это были, очевидно, копии писем, написанные в разное время фронтовиком Левчуком к Сталину, Хрущеву и Брежневу. Устроившись поудобней, сыщик взял в руки первое обращение, адресованное Сталину, и стал читать послание автора, изложенное на простенькой серой бумаге четким каллиграфическим почерком. Прежде чем приступить к чтению, у сыщика в голове невольно промелькнула мысль:

«Почему у всех людей старшего поколения почерк такой красивый? Неужели мы деградировали и стали писать каракулями?»

Итак, сыщик стал читать письмо к вождю народов:

*Дорогому отцу,
генералиссимусу Великой Победы
Иосифу Виссарионовичу Сталину.*

¹ Ломик взломщика.

Заявление

Обращается к Вам фронтовик, участвовавший во многих победных сражениях под Вашим умелым руководством и закончивший войну в логове врага в Берлине. За доблесть и храбрость награжден многочисленными наградами, в том числе орденом Красной Звезды за взятие Киева.

Мне очень неудобно, что я отвлекаю Вас от государственных дел, но обстоятельства вынуждают меня искать у Вас защиту. Как воин Великих Побед, Вы поймете меня и встанете на защиту рядового солдата, пролившего кровь за Родину на полях сражений.

Суть дела такова: 23 июля 1948 года в деревне Кривошеево Псковской области в пруду утонула гражданка Савватеева Марфа, 38 лет от роду. В этом обвинили меня, мол, это я утопил ее. Меня арестовали, у следствия нет никаких доказательств моей причастности к преступлению, кроме показаний полоумного сторожа мельницы, которые изобилуют многочисленными противоречиями.

Товарищ Сталин!

Разберитесь, пожалуйста, с моим делом, встаньте на защиту простого гражданина и воина.

Спасите меня, Вашего верного сына!

С уважением и надеждой Левчук В. И.

«Та-а-ак, утонула в воде, – тихо протянул про себя оперативник. – Это случайное совпадение или закономерность? Сталин, по-моему, спас-таки автора письма. Давай-ка прочитаем письмо к кукурузнику»².

Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву

Уважаемый Никита Сергеевич!

Пишет вам боец-фронтовик, рядовой солдат Первого Украинского фронта В. Левчук.

Воевал на полях Великой Отечественной войны, защищая Родину от немецко-фашистских орд. За храбрость и самоотверженность награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», многими другими наградами.

Я считаю вас своим однополчанином, поскольку все блестящие победы нашего фронта связаны с Вашим именем, Вашим талантом, как великого полководца.

Я всегда знал, что Родина относится с благодарностью к своим сынам, пролившим за нее кровь. Но есть некоторые товарищи из правоохранительных органов, которые пытаются обесчестить и унижить меня, боевого фронтовика, прошедшего весь ад огненной войны.

Обращаюсь к Вам по следующему обстоятельству: в августе 1958 года во время купания на пляже Таганрога утонула гражданка Сашко Клавдия, 35 лет. В этом заподозрили меня, предъявив обвинение в умышленном убийстве. Я не отрицаю, что Сашко является моей знакомой. Капризная по своей натуре женщина, она вознамерилась искупаться ночью и позвала меня с собой на пляж. Во время купания она утонула, я даже не заметил,

² То есть к Хрущеву.

как это случилось. Сейчас следователь почему-то решил, что совершено преступление, и арестовал меня.

Уважаемый Никита Сергеевич!

Прошу вмешаться в это дело и защитить меня, боевого фронтовика, от незаконных действий следственных органов.

Спасите простого воина, рядового солдата Великой Отечественной войны!

Заранее благодарен. Левчук В. И.

«Да что это такое! – удивленно воскликнул про себя Соколов. – Опять вода, опять утопленница! Очевидно, Хрущев вновь вытащил его из тюрьмы. Не слишком ли много смертей на воде вокруг этого Левчука? Посмотрим-ка, что он пишет Брежневу. Чует мое сердце, что речь пойдет о следующей утопленнице».

Генеральному секретарю ЦК КПСС

Брежневу Л. И.

Дорогой Леонид Ильич!

Пишет Вам фронтовик, участник боевых действий в составе Первого Украинского фронта Василий Левчук. Я освободил город Киев, участвовал во взятии Берлина, награжден медалями и орденом Красной Звезды. В нашей стране для фронтовиков почет и уважение, а все благодаря Вам, поскольку Вы сами прошли войну и как никто другой знаете все чаяния и надежды однополчан, которые, не жалея себя, сражались плечом к плечу с Вами во имя того, чтобы процветала наша Великая Родина.

Но есть некоторые люди из органов, которые не признают это и всеми ухищрениями пытаются принизить нашу роль в победе над фашизмом. Эта несправедливость непосредственно коснулась меня.

Суть дела такова: в июле 1975 года на курорте в Трускавце во время принятия минеральной ванны захлебнулась водой гражданка Евгения Сухорученко, 56 лет. Это был несчастный случай, но руководство курорта, чтобы снять с себя вину, обвинило меня в преднамеренном убийстве. По их навету против меня возбуждено уголовное дело за убийство вышеуказанной гражданки, меня арестовали и содержат в ужасных условиях.

Уважаемый Леонид Ильич, я уважаю Вас как фронтовика и настоящего воина, пролившего свою кровь на полях сражений Великой Отечественной войны, и надеюсь, что Вы сможете спасти меня от несправедливого преследования. Моя жизнь в опасности, если Вы не поможете мне, я, скорее всего, умру в стенах тюрьмы, так и не добившись справедливости и не встретив очередную годовщину Великой Победы.

Помогите мне, дорогой Леонид Ильич!

Рядовой боец-фронтовик В. И. Левчук

Соколов быстро сложил бумаги в пакет и заспешил в прокуратуру.

Черных была на месте. Он, положив веером перед ней все три обращения, взволнованно выдохнул:

– По-моему, наш старичок – маньяк. Все его преступления связаны с утоплением жертв! Что за такое предпочтение у человека?!

Следователь удивленно стала читать обращения Левчука к первым лицам страны. Закончив с письмами, она некоторое время посидела в изумленной задумчивости от прочитанного и, восторженно сообщив, сообщила:

– Я уже подготовила запросы в Министерство обороны и по месту рождения подозреваемого. Дополнительно запрошу и по этим трем случаям, где наш Левчук подозревался в убийствах, но каким-то образом избегал наказания.

– Этот старик не так уж и прост, – усмехнулся сыщик. – Он знает, какие болевые точки нажать, как льстить великим правителям, притягивая их на свою сторону фронтовой общностью. Настоящие фронтовики не такие, чувствует мое сердце, что он не тот, за кого выдает себя.

– Да, неприятно и мерзко на душе, – с сожалением вздохнула следователь. – Будем ждать ответов на запросы, может быть, они прольют свет в этом загадочном деле.

– Должны пролить, – обнадеживающе кивнул оперативник. – Надо найти хотя бы одного родственника подозреваемого и подробно расспросить его, что собой представляет этот человек. Он говорит о каких-то своих родственниках?

– В том-то и дело, что он не называет ни одного из них. Говорит, что до войны жил в Бобруйске, ушел воевать и больше туда не возвращался. Утверждает, что у него ни одного родственника не осталось, все погибли в войну.

– Такого не бывает, – мотнул головой сыщик. – Все равно кто-то должен остаться.

– Знаешь, Сергей, я, не подумав, рассказала об этом Левчуке отцу, который тоже брал Берлин, – с горечью проговорила Черных. – Он плюется и не верит, что Левчук фронтовик. Расстроился отец, зря я рассказала ему все это.

– Правильно он говорит, – кивнул Соколов. – Мутный какой-то этот тип, не похож на героя-фронтовика.

Часть вторая. Служебная командировка

1

Прошло два месяца. Соколов мало интересовался делом загадочного ветерана-фронтовика, отвлекшись на не менее насущные проблемы. Если следователь не беспокоит сыщика, не требует помощи, значит, все идет своим чередом, уголовное дело неумолимо приближается к логическому концу, чтобы завершиться судебным приговором. Но не тут-то было!

В день Победы 9 мая оперативника вызвал к себе начальник угрозыска. Терзаемый догадкой, почему же он понадобился руководителю в праздничный день, Соколов ровно в полдень постучался к нему в кабинет.

Начальник уголовного розыска Поликарпов Вадим Петрович, суровый мужчина средних лет, никогда не расстающийся с любимой папирсой «Беломорканал», работал в этой должности достаточно долго. Опера его побаивались и уважали, впрочем, такие же чувства испытывали к нему и городские криминальные элементы. Отборный мат из его уст сыпался как из рога изобилия, но никто даже и не думал обижаться, поскольку все это произносилось ради дела. А в городе иногда случались такие дела, разобраться с которыми без мата – ну никак.

Поликарпов озадаченно поинтересовался:

– Что там по тому гребаному ветерану войны?

– По какому ветерану? – удивленно вскинул голову Соколов. – По Левчуку?

– Чингачгуку! Не знаю, как его фамилия, я имею в виду того, которого ты посадил два месяца назад за убийство женщины.

– Да, это Левчук. А что по нему? Вроде бы следствие идет, за помощью следователь к нам не обращалась.

– Вот сколько вам всем говорить, что дела всегда надо держать на контроле, – строго отчитал сыщика руководитель. – Назревает большой скандал, прокурор республики вызвал нас на ковер, так что готовься ответить на все вопросы.

– Так что все-таки случилось? – недоуменно спросил сыщик. – Следователь Черных ни разу мне не звонила, я и подумал, что все там нормально.

Поликарпов сердито объяснил:

– Этот Левчук, или как его там, написал жалобу самому Андропову о том, что его незаконно привлекли к уголовной ответственности.

– Ну и что? – усмехнулся оперативник. – Он писал жалобу Сталину, Хрущеву, Брежневу, а сейчас Андропову. Это его способ уйти от ответственности.

– Какой Брежнев, какой Хрущев, едрена мать! – взревел начальник. – Этот твой Левчук и вовсе не Левчук, а другой человек!

– К-ка-а-ак?! – оторопело протянул сыщик. – Откуда это стало известно?!

– От верблюда! Говорил же, чтобы вы держали все ажиотажные дела под контролем! Иди, готовься, в час встречаемся в прокуратуре республики!

Соколов озадаченно вернулся в кабинет и набрал номер телефона Черных. Та, подняв трубку, воскликнула:

– Я только что хотела тебе звонить! Тут такие дела разворачиваются – уму непостижимо!

– Что случилось, Марина, объясни поподробнее.

– Некогда, Сергей, совершенно некогда! Я сейчас составляю подробный отчет, в час встретимся в прокуратуре республики, там послушаешь мой доклад.

– И все же?

– Одним словом, это не Левчук. Я только сегодня получила ответ из Минска.

– И кто же он?

– Пока неизвестно... Сергей, все, мне некогда разговаривать, встретимся в прокуратуре республики.

Прокурор республики Николай Семенович Лебедев, немолодой уже мужчина, был весьма строгим и требовательным руководителем, подчиненные робели перед ним и старались всеми способами лишней раз не попадаться ему на глаза. А уж если он организовал тревожный сбор в праздничный день, то это не сулило ничего хорошего приглашенным участникам совещания, и все готовились к большой взбучке.

Когда Соколов прибыл с Поликарповым в республиканскую прокуратуру, Черных уже находилась там, она с начальником тюрьмы Семаковым прямо в коридоре взволнованно изучала какие-то документы, очевидно, дело арестованного. Сыщик не успел обмолвиться с ней словом, как из кабинета вышла секретарь и объявила:

– Приглашенных прошу пройти в кабинет.

В кабинете находились несколько работников республиканской прокуратуры, секретарь и сотрудник Комитета государственной безопасности Чикин, которого Соколов знал в лицо, поскольку тот курировал правоохранительные органы.

Лебедев грозным взглядом обвел собравшихся и первым поднял начальника следственного изолятора:

– Семаков, объясните мне, как арестованный гражданин рассылает письма руководителям страны? У вас что, проходной двор, и каждый волен обращаться куда ему заблагорассудится? Доложите, как вы допустили такое, что содержащийся под стражей человек мимо вас ведет переписку с государственными органами. Для всех, кто не в курсе дела, сообщая: сегодня из ЦК КПСС в наш адрес поступил запрос на жалобу ветерана войны Левчука о том, что его незаконно привлекли к уголовной ответственности, что старого человека содержат под стражей в невыносимых условиях. Нам предписано в кратчайшие сроки разобраться с этим делом и доложить в секретариат центрального аппарата.

Покрасневший от волнения начальник тюрьмы встал и с дрожью в голосе стал докладывать:

– Письмо Левчука на имя Юрия Владимировича Андропова в нашей спецчасти не зарегистрировано, он отправил его через своего сокамерника, когда тот месяц назад освобожден и отбыл к месту постоянного жительства. Фамилия этого освобожденного Климов, мы его нашли и расспросили, он во всем признался и сказал, что письмо опустил в ящик главпочтамта, сразу же как покинул изолятор.

– Что это такое, в следственном изоляторе нет личного досмотра, когда человек выходит на свободу? – негодуя спросил Лебедев. – С таким отношением к делу у вас скоро все вынесут из заведения!

– Досмотр ведется. Мы установили наряд, который дежурил в тот день. Сотрудники отнеслись халатно к своим служебным обязанностям, все будут наказаны, – сокрушенно пробормотал Семаков.

– Наказаны будете и вы, мы направим представление на имя вашего министра, – резюмировал прокурор и приказал: – Пока садитесь.

Следующей была Черных. Прокурор поднял ее и уже не так строго указал:

– Марина Станиславовна, доложите, как продвигается расследование уголовного дела. Прошло два месяца со дня совершения преступления, думаю, что у вас уже вырисовываются контуры обвинения, расскажите, какими доказательствами обладаете, судебную перспективу дела.

– Преступление совершено восьмого марта текущего года, – стала докладывать следователь, изредка поглядывая на наспех составленную справку. – В своей квартире в ванне с водой обнаружена гражданка Плахова с проникающими ножевыми ранениями в области груди

и с перерезанным горлом. Все раны прижизненные, смерть наступила быстро, в легких обнаружено небольшое количество воды. Во время осмотра квартиры на полу обнаружены следы обуви большого размера, с ручек крана-смесителя в ванной комнате и входной двери сняты рисунки пальцев рук, которые не принадлежат потерпевшей. По горячим следам уголовным розыском был задержан некто Левчук Василий Игнатьевич, тысяча девятьсот двадцатого года рождения, уроженец города Бобруйска Белорусской ССР. У него изъяты следующие вещи: нож, куртка, унты, на которых обнаружены капли и брызги крови человека, групповая принадлежность которой совпадает с кровью потерпевшей. Следы унтов по размеру совпадают со следами, обнаруженными в квартире. На левой щеке и шее у подозреваемого обнаружены царапины, специалист, проводивший трасологическую экспертизу, утверждает, что с наибольшей долей вероятности они могли быть нанесены указательным, средним и безымянным пальцами правой руки потерпевшей. Изъятые на месте преступления отпечатки пальцев совпали с рисунками пальцев Левчука. Во время обыска в квартире у подозреваемого обнаружены три копии обращения, написанные от руки, которые были адресованы Сталину, Хрущеву и Брежневу соответственно. Везде в этих письмах говорится о том, что автора подозревали в убийствах женщин путем утопления, но каким-то образом, скорее всего, в результате обращения к генсекам, уголовные дела не доведены до конца. Все это наталкивает на мысль, что арестованный гражданин страдает маниакальной страстью к убийствам женщин путем утопления...

– А последняя женщина изнасилована? – поинтересовался Лебедев.

– Нет, признаков изнасилования не имеется, скорее всего, этот вопрос арестованного сильно не волнует, на первом месте у него стоит убийство ради убийства, – ответила Черных, быстро вспомнив крылатые слова Соколова, и спросила: – Николай Семенович, разрешите продолжить доклад?

– Продолжайте.

– Я отправила запрос в Главный информационный центр, оттуда пришел ответ. В июле семьдесят пятого года человек по фамилии Левчук привлекался к уголовной ответственности Трускавецкой прокуратурой за убийство, решения по делу нет. Скорее всего, дело прекратили или положили на дальнюю полку. По обращениям к Сталину и Хрущеву в информационном центре данных нет...

– Скорее всего, дела «похоронили», толком и не начав, – прервал следователя Лебедев и с сарказмом добавил: – Вот что значит вовремя обращаться к сильным мира сего, да к тому же поплакаться, намекая на фронтовое братство! Но от нас-то он не уйдет, доказательств собрано достаточно. А теперь, Марина Станиславовна, расскажите основное, из-за чего я вас сегодня собрал. Дело действительно серьезное и грозит вылиться в большой скандал. Человек, который назывался ветераном войны Левчуком, сидел в тюрьме под вымышленной фамилией. Если об этом узнают в Москве, полетит не одна голова.

Испуганно отложив справку в сторону, Черных далее продолжила свой доклад:

– Я сделала запрос в город Бобруйск, чтобы побольше узнать об обвиняемом, собрать характеризующие материалы. Ответа долго не было, и я подумывала повторить запрос, но сегодня позвонили из прокуратуры Бобруйска и продиктовали телефонограмму. Согласно этому документу, человек, носящий фамилию, имя, отчество Левчук Василий Игнатьевич, четыре года назад умер от болезни, в Бобруйске у него остались родственники...

– Значит, вы посадили другого человека? – нахмурился прокурор. – Тот, который сейчас сидит в тюрьме, не Левчук, его личность не установлена?

– Получается, что да, – обреченно вздохнула Черных. – Личность его не установлена.

– Как теперь быть? – испытующе посмотрел Лебедев на следователя. – Человек арестован, сидит в изоляторе, а личность не установлена. Такого у нас еще не было. По злой иронии запрос из ЦК КПСС и ответ из Белоруссии поступили одновременно в тот день, когда советский народ и все прогрессивное человечество отмечают победу над фашизмом. Какой, при-

кажете, готовить ответ? Что Левчук не Левчук, ветерана войны как такового нет? Вы знаете, как все это будет расценено Москвой? Снарядят комиссию, приедут с проверкой... Марина Станиславовна, что собираетесь делать дальше?

– Аннулирую анкетные данные задержанного и выставлю карту как на неизвестного, – виновато выговорила следователь.

– И как вы это представляете?

– Составлю справку о личности обвиняемого с фотографией и с печатью, приложу туда дактилоскопическую карту. В институте нас учили этому, если личность человека не установлена...

– Пока этого не делайте, пускай до поры до времени сидит Левчуком, дальше будет видно, – приказал прокурор и спросил: – Как проверяете его преступления прошлых лет?

– Я запросила Трускавец, Псков и Таганрог, – судорожно выдохнула она. – По последним двум реакции до сих пор нет, а из Трускавца поступил ответ, что уголовное дело в отношении Левчука в семьдесят пятом году прекращено в связи с отсутствием события преступления. Истинные обстоятельства, которые были основанием для прекращения дела, в ответе прокуратуры Трускавца не отражены. Очевидно, повлияло обращение обвиняемого к Брежневу...

– Марина Станиславовна, не надо сюда вплетать политику, – строго прервал ее прокурор, бросив многозначительный взгляд на сотрудника КГБ Чикина. – Тут банальные убийства. Мало ли что обвиняемый обращался к руководству страны. С трудом представляется, что генсеки читали его письма – не барское это дело.

– Тут нет никакой политики, – мотнула головой Черных, настороженно зыркнув в сторону Чикина. – Я просто констатирую факты... Сегодня же повторю все запросы с учетом последних событий.

– А что говорит Министерство обороны?

– Ответа до сих пор нет. Но на этот запрос я не возлагала больших надежд. Найти войсковую часть, где служил лже-Левчук, поговорить с его однополчанами практически невозможно – слишком много времени прошло. А после того, как сегодня установлен настоящий Левчук, этот вопрос отпадает сам собой.

– Откуда он к нам залетел, этот непонятный гражданин? – озадаченно спросил прокурор. – Где до этого жил, работал?

– В Якутию он прибыл в семьдесят пятом с Украины, из Киева. Я сделала запрос, он в Киеве жил в общежитии водников, которое уже снесено, такого адреса уже нет. А где работал – неизвестно. Здесь ему выдали квартиру-малосемейку, он работал в речном порту, а в последние годы столяром на мебельной фабрике. В семьдесят пятом же здесь получил паспорт нового образца, а старый уже уничтожен.

– Вот что, – хлопнул ладонью по столу Лебедев, подытоживая разговор. – Никаких запросов больше делать не надо, а выехать самой в командировку по всем местам, где отметился обвиняемый. Дела лохматые, вряд ли они сохранились, никто толком нам не ответит, поэтому лучше самим все проверить: найти и поговорить с родственниками потерпевших, установить возможных правоохранителей, которые вели эти дела, если, конечно, они еще живы, искать других свидетелей. Марина Станиславовна, вылетайте первым же рейсом в командировку. Кого из уголовного розыска возьмете с собой?

Черных, указав на сыщика, сообщила:

– Тут находится инспектор уголовного розыска Соколов, с которым мы начали работать по этому делу. Он и поедет со мной.

Сыщик, вскочив на ноги, громко представился, вложив в слова немного бравурности:

– Инспектор уголовного розыска старший лейтенант милиции Соколов! Есть немедленно выехать в командировку для установления личности обвиняемого!

Удовлетворившись четким ответом сыщика, Лебедев беззлобно кивнул в его сторону и распорядился, обращаясь к одному из республиканских прокуроров:

– Дайте пока в секретариат ЦК КПСС промежуточный ответ, что, мол, проводится проверка, сотрудники выехали в командировку, по прибытии которых будет сообщено дополнительно.

2

После совещания Соколов, распрощавшись с начальником угрозыска, вместе с Черных поехал в городскую прокуратуру, чтобы подготовиться к командировке.

Уже в кабинете у себя Черных спросила сыщика:

– Сергей, откуда начнем? Нам придется объехать пол-Союза.

– Предлагаю начать с Бобруйска, – ответил сыщик. – Поищем родственников настоящего Левчука, найдем его фотографии, сравним со снимками его двойника, посетим военкомат...

– Я тоже так думаю, – кивнула Черных. – После Белоруссии поедem в Трускавец, затем в Киев, далее в Псков, а завершим нашу командировку Таганрогом. Сейчас составлю план командировки и занесу на утверждение прокурору. Завтра вылетим транзитом через Москву в Минск, я сейчас же забронирую два авиабилета.

– Эх, жалко, что не купальный сезон, – с сожалением проговорил оперативник. – Так бы искупались и позагорали в Азовском море.

– Почему же? – удивленно вскинула голову следователь. – В Таганроге мы будем во второй половине мая, в это время люди там всю купаются.

– Серьезно? – приятно удивился сыщик. – А у нас только снег растает.

– Искупаешься, искупаешься, – заверила она. – Я однажды была на Черном море как раз в конце мая, а это одно и то же, что и Азовское.

– Отлично, никогда еще не купался в море! – хлопнул он в ладони, предвкушая исполнение взлелеянной с детства мечты. – Некоторые одноклассники ездили в «Артек», я так завидовал им.

– Учиться надо было на отлично, – рассмеялась Черных. – Вот тебе и был бы «Артек» и «Орленок»!

– Твердый троечник, хотя по некоторым предметам в аттестате имеются четверки и пятёрки – улыбнулся сыщик и переспросил: – Значит, с утра встречаемся в аэропорту?

– Да, не опоздай.

– Уму непостижимо! – воскликнул Соколов, прежде чем расстаться со следователем. – Этот лже-Левчук три раза подозревался в убийствах, но никто не удосужился его проверить по месту его рождения! Ну, допускаю разгильдяйство следственных и оперативных работников при Хрущеве и Брежневe. Но при Сталине-то! Мне казалось, тогда шлепали всех без особого суда и следствия.

– Я тоже так думала, но однажды копалась в архиве и нашла уголовное дело сталинских времен, где в убийстве своего любовника, довольно известного руководителя и общественного деятеля, подозревалась театральная работница. Представляешь, вину ее не доказали и оправдали, хотя все улики были против нее! Сейчас бы она от нас не отвертелась.

– Да-а-а уж! – недоуменно мотнул головой сыщик. – Оказывается, удивительные вещи происходили тогда! Посмотрим, как этот тип «соскакивал» с убийств.

Минск встретил командированных теплой солнечной погодой. Прибыв в полдень в столицу Белоруссии, Черных и Соколов сразу направились на автовокзал и через полчаса на комфортабельном «Икарусе» уже ехали в сторону Бобруйска. Пока прибыли в город, пока устроились в гостиницу, наступил уже вечер, поэтому путники решили поужинать в столовой, расположенной неподалеку, и кратко ознакомиться с местными достопримечательностями.

Бобруйск оказался довольно большим городом, и о том, чтобы его обойти вдоль и поперек за один вечер, не могло быть и речи. Они ходили по улицам Бобруйска, вглядывались в дома и крепостные сооружения, сохранившие печать старины и славных времен. Когда-то по этим улицам гордо маршировали крестоносцы и солдаты Наполеона, топтали эти булыжники

немецко-фашистские захватчики, по этим же улицам они удирали от гнева народного, проклинаемая тот день и тот час, когда они надумали напасть на эту свободолюбивую страну.

Усталые, но довольные, сыщик и следователь вернулись в гостиницу и, условившись о том, как с утра найти родственников Левчука, разошлись по номерам.

Утро выдалось таким же солнечным и теплым. За завтраком Черных распорядилась:

– Сходи к своим белорусским коллегам, поставь отметку в командировочном удостоверении, а заодно в паспортном столе узнай, где прописана гражданка Левчук Анастасия Никандровна, тысяча девятьсот двадцатого года рождения, а также возьми копию форму один³ на имя Левчука Василия Игнатьевича. А я тем временем отмечусь у своих коллег. Встретимся в прокуратуре.

Исполнив поручение следователя, Соколов через час был в назначенном месте. Увидев его на скамейке во дворе прокуратуры, Черных выглянула из окна второго этажа и крикнула:

– Сергей, узнал адрес?

– Да, узнал, – в ответ крикнул сыщик. – Улица Ленина, сорок пять.

– Выхожу.

Вскоре появилась Черных и сообщила:

– Посмотрела по карте улицу Ленина, тут недалеко, дойдем пешком, а то мои коллеги пытались дать мне машину. Зачем нам машина? Прогуляемся, посмотрим город.

– И мои коллеги интересовались, не нужна ли помощь, – рассказал сыщик. – Я ответил, что пока не нуждаемся, а если будет необходимость, обязательно обратимся к ним.

– Видишь, как хорошо нас встретили, – улыбнулась Черных. – Я уже перезнакомилась с половиной прокуратуры. Все интересуются, как там у нас в Якутии. Я говорю, что местами лежит снег, – они удивляются. Про оленей спрашивают, а я говорю, что пока еще ни разу не видела живого оленя. Недоуменно качают головами.

Вскоре они уже были возле дома номер сорок пять. Шестиэтажный каменный дом новой постройки, покрашенный в красивый ультрамариновый цвет, аккуратный чистенький двор, детская площадка со срубленными из целого дерева сказочными персонажами, урны для мусора, разукрашенные цветочными рисунками...

– Ну, с богом, – взволнованно выговорила Черных, открывая дверь подъезда. – Лишь бы хозяева были на месте.

Внутри подъезд также оказался заботливо убраным, стены были разрисованы умелым художником на сказочный манер: вдоль лестницы, широко взмахивая крыльями, гуси-лебеди несут братца Ивашечку на второй этаж, следом бежит его сестрица.

– Чувствуется, что тут царит культ детей, – сделал умозаключение сыщик. – Почему у нас не могут так украшать дворы и подъезды? Все уныло и серо...

– Потому что холодно, – улыбнулась Черных. – Три месяца лета – остальное зима. Когда любоваться-то красотами?

– Но все же...

Дверь открыла пожилая женщина, одетая в платье-вышиванку, которая поинтересовалась:

– Вам кого, молодые люди?

– Мы из Якутии, – представилась Черных. – Приехали в командировку по уголовному делу... Вы же Анастасия Никандровна, а ваш муж Василий Игнатьевич?

– Так и есть, – еще более удивилась женщина. – А что вы хотели узнать?

– Я из прокуратуры, зовут меня Марина Станиславовна Черных, а моего коллегу Сергей Петрович Соколов. Мы хотели поговорить с вами, узнать подробности жизни вашего мужа.

³ Заявление гражданина о выдаче паспорта.

– А почему им заинтересовались? – насторожилась женщина. – Он никогда не имел дело с Якутией, ни разу там не был.

– Мы это знаем, – кивнула Черных. – Просто у нас за убийство задержан мужчина, который представляется вашим мужем. Поэтому и приехали, чтобы узнать, почему он прикрывается именем Василия Игнатьевича.

– Постойте, это не тот ли случай, когда мужа заподозрили в убийстве женщины в Трускавце?

– Как?! – оторопели прибывшие. – В Трускавце?!

– Да, на курорте...

Вдруг женщина, словно очнувшись, воскликнула, схватившись за голову:

– Ой, почему я держу вас в прихожей! Проходите в зал, а я быстро накрою стол, попьем чайку, там и поговорим.

Оставшись вдвоем в зале, Черных, глядя на сыщика, удивленно расширила глаза:

– Ничего не понимаю. И его подозревали в убийстве?

Сыщик недоуменно пожал плечами и стал рассматривать семейные фотографии хозяев, развешанные на стене.

– У них двое детей – сын и дочь, им где-то по тридцать три – тридцать пять лет, – поделился он своими наблюдениями с Черных. – Свадьба состоялась в сорок седьмом году. А Василий Игнатьевич в молодости немного смахивает на нашего лже-Левчука, тип лица одинаковый. Тот спокойно мог использовать его документы, даже не меняя фотографии.

– Долго же он прятался под чужой личиной, – тихо проговорила Черных, рассматривая фотографии. – Если исходить из того, что лже-Левчук первое свое преступление совершил в сорок восьмом, не менее тридцати пяти лет.

Вскоре хозяйка пригласила гостей за стол. Уже попивая чай с вареньем из смородины, Черных стала рассказывать:

– Анастасия Никандровна, ранней весной этого года в Якутске в своей квартире убили женщину. За данное преступление задержан гражданин, который назвался именем вашего мужа. Есть основания полагать, что этот гражданин использует документы Василия Игнатьевича, а первое свое преступление совершил аж в сорок восьмом году. Скажите, пожалуйста, терял ли ваш муж паспорт, военный билет и орден Красной Звезды?

– Ах вон оно что! – вдруг воскликнула женщина и направилась в другую комнату, на ходу бросив: – Сейчас я вам все покажу.

Не прошло и минуты, она вернулась с картонной коробкой, раскрыла ее и стала доставать документы:

– Вот его паспорт, получал в семьдесят пятом, вот орденская книжка, вот военный билет.

Взяв в руки орденскую книжку, Черных взволнованно сообщила сыщику:

– Номер совпадает с номером изъятого ордена, – и обратилась к хозяйке: – Анастасия Никандровна, как он потерял эти документы и орден?

– Ох, трудно вспомнить, прошло-то сколько лет, – вздохнула женщина. – Как бы вам не соврать, это был год нашей свадьбы. Сорок седьмой год... Да какая там свадьба, человек двадцать гостей, картошка, сало, вино мадера... Мама из оконного тюля сшила что-то наподобие подвенечного платья. Скромно все тогда было, не то что сейчас. Василий тогда вернулся с фронта, его сразу же назначили председателем колхоза, что под Бобруйском. Летом в колхозе стали строить коровники, строители были не местные, нанятые, а откуда они, я не могу сказать. Осенью строители разъехались, наступили ноябрьские праздники – тридцатилетие Октябрьской революции, и муж спохватился, что пропал пиджак с орденом, а в кармане паспорт и военный билет. Этот пиджак у него постоянно висел в шкафу на работе. Подозрение сразу же пало на бригаду строителей, муж обращался в милицию, но их следы давно простыли. Не смогли их найти тогда. Василию документы восстановили, а вот от ордена осталась только книжка.

– А разве списка строителей не было у него? – спросила Черных.

– Не знаю, был ли этот список или нет, – мотнула она головой и посетовала: – Послевоенное время, мужиков мало, на работу брали первых попавших, у кого руки-ноги целы, могли и без списка работать, сейчас бы их называли шабашниками.

– Вы говорили насчет Трускавца. Что там произошло? – поинтересовался Соколов.

– Насчет Трускавца длинная история, – промолвила женщина и, достав лист бумаги, протянула сыщику: – Сначала почитайте этот документ, а затем я продолжу рассказ.

Соколов принял у женщины бумагу и стал читать рукописный документ:

Выписка из наградного листа-представления к званию Героя Советского Союза

от 16 мая 1945 года:

«...Командир взвода автоматчиков 2-го стрелкового батальона гвардии сержант Василий Игнатьевич Левчук в боях при прорыве обороны противника и взятии города Берлина проявил исключительное мужество и героизм. Так, 22 апреля 1945 года под сильным обстрелом, преодолевая многочисленные минные поля, Левчук первым со своим взводом ворвался во вражеские траншеи и после рукопашной схватки выбил фашистов с двух линий обороны. Преследуя гитлеровцев, штурмом ворвался в третью линию обороны врага. Сержант Левчук лично подбил из гранаты немецкий танк, увлек за собой бойцов и, отразив натиск противника, ворвался со своим взводом на выгодные позиции, чем обеспечил продвижение других частей и захват сильно укрепленных районов врага. При этом взводом Левчука всего было уничтожено три самоходные пушки, захвачена батарея 75-миллиметровых пушек, уничтожено пять огневых точек и более 30 вражеских солдат и офицеров, а 7 захвачены в плен. Командир батальона гвардии полковник Некрасов А. И.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.